ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.352.3'373.6

ББК 81.602-3

А 16

DOI: 10.53598/2410-3489-2021-3-282-15-20

Словообразовательно-этимологический анализ адыгских наименований циновки и названий растений, идущих на её изготовление (Рецензирована)

Ачердан Нухович Абрегов¹, Рузанна Алиевна Эльдарова²

^{1, 2} Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹ acherdan@mail.ru

² ruza0201@yandex.ru

Аннотация.

Рассматриваются лексические единицы, номинирующие циновку в адыгских языках и называющие растения, которые используются при её плетении. Материал исследования представлен данными лексикографических источников и полевой информацией, собранной в экспедициях авторами статьи. В лингвистике утвердилось мнение о том, что в агглютинативных языках, куда входят и адыгейские языки, внутренняя форма слова всегда прозрачна: легко вычленяются составляющие морфемы. Действительно, в таком случае в синхронном плане без особых усилий можно определить лексико-семантическую и словообразовательную структуру слова. Однако в ряде случаев слова претерпевают смысловые и фонетические преобразования, затрудняющие объяснить происхождение слова, которое может быть установлено только в диахронном аспекте.

Ключевые слова:

лексема, внутренняя форма слова, словообразовательная структура, структурно-семантический анализ, сравнительно-исторический метод, сопоставительный метод, фонетические преобразования, семантическая трансформация, формант, суффикс.

Original Research Paper

Word-formation and etymological analysis of the Adyghe names of the mat and plants intended for its manufacture

Acherdan N. Abregov¹, Ruzanna A. Eldarova²

^{1, 2} Adyghe State University, Maykop, Russia

¹ acherdan@mail.ru

² ruza0201@yandex.ru

Abstract.

The paper examines the lexical units nominating the mat in the Adyghe languages and naming the plants that are used in its weaving. The research material encompasses data from lexicographic sources and field information collected in expeditions by the authors of this work. In linguistics, the opinion has been confirmed that in agglutinative languages, which include the Adyghe languages, the internal form of the word is always transparent: the constituent morphemes are easily isolated. Indeed, in this case, the lexico-semantic and word-formation structure of a word can be determined synchronously without much effort. However, in some cases, words undergo semantic and phonetic transformations that make it difficult to explain the origin of the word, which can be established only in the diachronic aspect.

The purpose of the study is to determine the lexico-semantic and word-formation structure of derived words and to give an etymological analysis of lexemes that have lost the internal form of a word or function with a darkened internal form. To solve this problem, comparative historical and comparative research methods are used. The theoretical significance of the research lies in the fact that the results of the work can be used in the development of courses of lectures on lexicology, semasiology and word formation, as well as in lectures on various sections of modern Adyghe languages and in lexicographic practice.

Keywords:

Lexeme, internal form of the word, word-formation structure, structural and semantic analysis, comparative historical method, comparative method, phonetic transformations, semantic transformation, formant, suffix.

Введение.

Плетение циновки – одна из отраслей древнейшего декоративно-прикладного искусства адыгских (черкесских) народов, которая в прошлом процветала. Однако «в силу сложившихся исторических обстоятельств адыгская художественная культура выбилась из своей накатанной столетиями художественно-творческой колеи и затормозила своё развитие, что повлекло за собой угасание древних традиций национального искусства [1: 3]. Тем не менее, с плетением циновки связана достаточно богатая специальная лексика, складывавшаяся в течение веков. Исследования семантики, словообразовательной структуры и этимологии этих слов – наша задача.

Материалы и методы.

Материалом для исследования послужили слова, извлеченные из различных лексикографических изданий, полевые записи, сделанные авторами статьи во время экспедиций, а также источником явились разные публикации о народном

декоративно-прикладном искусстве адыгов, адыгском узоре, искусстве адыгской циновки, циновках адыгов и других народов Кавказа таких авторов, как Л.А. Авербах, М.З. Азаматова, Е.Н.Студенецкая, А.Г. Кушу, М.А. Меретуков, Б.Х. Мальбахов, М. Непсо, Н.В. Тертышник, А.А. Ерёмина, А.М. Ланин и др.

В лингвистике пришли к заключению о том, что в агглютинативных языках морфемная структура слов и словоформ прозрачна, поскольку считается, что в них не происходит никаких фонетических изменений, а морфемы стандартны, и их столько, сколько грамматических значений надо выразить. Это относится и к адыгским языкам, которые типологически относятся к языкам агглютинативного типа. В них в части слов и словоформ структура определяется без особых затруднений. Поэтому не случайно Л.Г.Лопатинский образно охарактеризовал структуру сложных слов в адыгских языках, сказав, что слова в этих языках «так же легко разбиваются по составным

частям, как цветок по лепесткам» [2: 46]. В другой же части слов изменения различного типа настолько значительны, что для их объяснения требуется диахронный анализ.

Цель исследования – определить лексико-семантическую и словообразовательную структуру производных слов и дать этимологический анализ лексем, потерявших внутреннюю форму слова или функционирующих с затемнённой внутренней формой. Для решения поставленной проблемы используются сравнительно-исторический и сопоставительный методы исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в том, чтобы расширить рамки теории словообразования и этимологии адыгских языков. Практическая значимость заключается в том, что результаты работы могут быть использованы при разработке курсов лекций по лексикологии, семасиологии и словообразованию, а также при чтении лекций по различным разделам современных адыгских языков и в лексикографической практике.

Результаты исследования.

Многовековая история техники плетения адыгских циновок свидетельствует о том, что в течение столетий совершенствовалось искусство изготовления циновок в адыгском мире и достигло настоящего совершенства. Описав технологию плетения циновок у различных народов Кавказа, недвусмысленно Е.Н. Студенецкая пишет: «Иной характер носили циновки адыгских народов, наиболее совершенные по своей технологии. Их художественные достоинства, изящный и тонкий орнамент получались исключительно за счёт техники плетения и тщательности отбора и подготовки материала» [3: 121].

Один из авторитетных специалистов по истории и технологии плетения циновок З.Л. Гучев, опираясь на данные археологии, указывает на древность истории циновок: «Остатки циновки найдены в гробнице,

относящейся ко времени Майкопской культуры, то есть к концу III-го и к первой половине II-го тысячелетия до н.э. Они представляли собой плетение простого полотна без какого-либо декора» [4: 6].

В адыгских языках функционируют различные наименования циновки, богатая специальная терминология по технике плетения циновок и их орнаментировке, а также развёрнутая система названий растений, идущих на производство циновок.

Циновка называется по-разному: в адыгейском языке она именуется двумя лексемами – *nIyabl(ə)* и *xъа-цыр*, в кабардино-черкесском – *арджэн*. Из них исконным является *nIyabl(ə)*, а заимствованными – *xъа-цыр* и *арджэн*. А.К. Шагиров, этимологизируя слово *nIyabl(ə)*, пишет, что в нём «во второй части основа глагола *блэн* ‘плести’. Первая часть не ясна. Может быть *nIуэ* ‘крышка’ – «то, чем накрывают», «то, чем покрывают» [5, II: 55]. Мы придерживаемся иной точки зрения.

Графически *nIyabl(ə)*, фонетически *nIIyabl(ə)* имеет варианты в диалектах адыгейского языка: темирг. / абадз. *Iyabl(ə)*, *кIyabl(ə)* (аналогичные варианты имеет слово *нэгү* «лицо»: *нэIу*, *нэкIу*, и все три разновидности функционируют в литературном языке как самостоятельные лексические единицы, так и в составе сложных слов); шапс. *къIyabl(ə)*. Считаем, что в *nIIyabl(ə)* можно выделить * *nI-* < * *б-* как древнейший экспонент грамматического класса вещей [см. об этом подробнее в 6: 42]. При таком выделении форманта * *nI-* остаётся *Iyabl(ə)*, что совпадает с темирг. / абадз. *Iyabl(ə)*. Это слово, как мы считаем, образовано безаффиксальным способом от глагола *Iублэн* со значением «вплести с краю (сверху)», что вполне соответствует технологии плетения циновки, когда рогоз вплетается с двух сторон и уплотняется ударом бёдра. В таком случае *Iyabl(ə)* буквально означает ‘то, что образуется в

результате плетения'. К шапсугскому заимствованию относится убыхское *q'abla* «циновка», приводимое Г.Фогтом [7: 171].

Слово *хъацыр* «циновка» заимствовано из турецкого языка, где *hasır* «циновка». С тем же значением восходит к араб. *hasır* «циновка».

Надо полагать, что кабардино-черкесский язык утерял общеадыгскую лексему *nIyabl(ə)* и в последствии усвоил тюркское наименование циновки в виде *арджэн*. Как пишет А.К. Шагиров, это слово «трудно отделить от карач. *джеген*, балк. *жеген*, ног. *екен* 'осока', 'осоковая циновка'... Кабардинская, осетинская и ингушская формы отражают йотовый вариант тюркского слова. Элемент *p* можно рассматривать как вставной согласный...» [5: I: 63].

С принятием «ислама среди адыгов циновки получили новое применение в качестве молитвенного коврика» [4: 7]. Такая циновка и в адыгейском, и в кабардино-черкесском языке называется *нэмазлыкъ*. В турецком языке слово *namazlık* «намазлык, молитвенный коврик (на котором совершается намаз)» образовано от перс. *namaz* «молитва» с помощью суф. *-lık*, служащего для образования от именных основ имён существительных со значением целевого назначения.

Рассмотрим названия растений, традиционно использующихся повсеместно в адыгском мире для изготовления циновок. В темиргоевском и абадзехском диалектах адыгейского языка чётко разграничиваются три вида растений: *хъамцацэ* «рогоз широколистный» (*Týpha latifolia* L.), «рогоз узколистный» (*Týpha angustifolia* L.), *цэрэз* «куга раскидистая» (*Schoenoplectus supinus* (L.) Ralla (*Scirpus supinus* L.) и *Iymlən* «ситник расходящийся» (*Juncus effusus* L.). В бжедугском диалекте *Iymlən* – это «рогоз». Судя по описаниям Е.Н. Студенецкой, словом *гулз* именуется куга [3: 125]. В хакучинском говоре шапсугского

диалекта название рогоза звучит как *къIymlən*.

Примечательно, что слово *Iymlən* в разных вариантах присутствует во всех диалектах адыгейского языка несмотря на наличие некоторых смысловых расхождений. Оно есть и в черкесском варианте кабардино-черкесского языка в виде *къуэмIанэ*, что свидетельствует об адыгейском вкладе в формирование черкесского субэтноса (ср. шапс. *къIymlən*). В какое-то время кабардино-черкесский язык утратил общеадыгское слово: на его смену пришло производное *арджэнудз* (из тюрк. *арджэн* «циновка» и каб.-черк. *удз* «трава»).

Надо полагать, что самым древним названием рогоза был вариант **къIymlənэ*. На эту мысль наталкивают данные хаттского языка – языка III тыс. до н.э., в текстах которого А.П. Тихонова обнаружила слово *uittanu*, оно созвучно с адыгским *къIymlən* / *къуэмIанэ* и имеет синкретичное смысловое содержание – «рогоз» и «циновка». Каб.-черк. *Iymlənэ* следует отнести к возвращенной лексике, поскольку активнее используется лексема *арджэнудз*.

При сооружении прудов, видимо, использовали рогоз для укрепления и уплотнения путём прикапывания. По всей вероятности, был глагол *Iymlən* (*IyymIən*) со значением «преграждать, запруживать» (ср. адыгейск. *псыуиIэ* «озеро» < **псыIymlэ*, букв. 'перекрытая, запруженная вода'. Нам думается, что этот способ перегораживания лёг в основу названия растения *Iymlən* «рогоз», букв. 'то растение, которым перегораживают, уплотняют'. Используя рогоз как материал для плетения циновок, человек обратил внимание на то, что рогоз вплетается, как бы перегораживая, а затем уплотняется путём удара бёрда, и в итоге создаётся циновка. Следовательно, *Iymlən* буквально означает 'то растение, которое закрывает, уплотняет циновку'. Напротив, Х.Ш. Урусов *IyymIанэ* / *IyymIэны* «куга (название травы) признаёт

корневой морфемой [8: 124]. Поэтом этимология лексемы *IymIэн* требует ещё дополнительного лингвистического осмысления.

Темиргоевско-абадзехское слово *хьамцацэ* «рогоз» вытеснило *IymIэн*, которое получило новое смысловое содержание – «ситник». Предполагаем, что оно звучало как **тхьамцацэ*. Легко вычленяется компонент *цацэ* «вертел, шампур». Первая часть *тхьэ* связана с такими лексическими единицами, как *тхьа-пэ* «лист» шапс. *тхьа-пкIэ* «лист», *тхьа-ркъожъ* «лопух» и означает «лист». В таком случае **тхьамцацэ* «рогоз» состоит из **тхьэ* «лист» и *цацэ* «вертел, шампур» и буквально означает 'то растение, у которого лист похож на шампур', что соответствует строению рогоза, у которого лист имеет саблевидную форму и достигает 3 метров длины.

Слово *цэрэз* «куга» функционирует только в темиргоевском и абадзехском диалектах. Не исключено, что оно относится к группе фонетически «изношенных» лексем. Трудно отделить её от слова *чэрэзын* «крутиться, вращаться, вертеться», поскольку куга имеет один стебель конусообразной и цилиндрической формы. Как раз фонетическое преобразование не мешало смысловому сдвигу «цилиндрический, конусообразный»

→ «круглый, крученный» → «растение круглой формы».

Бжедугское *гулъ* «куга» и другие названия рогоза в адыгских языках относятся к периферийной зоне, и их лингвистическое осмысление может явиться предметом специального изучения.

Заключение.

Подводя итоги, необходимо акцентировать внимание на том, что, вне всякого сомнения, древнее искусство плетения циновки у адыгских народов имеет богатую традицию исполнения плетёных изделий, особенно циновки, отличающихся изысканностью и тонким изяществом. Поэтому прав Б.Х. Мальбахов, который утверждает, что «... наибольшую самобытность, верность древнейшим традициям и вместе с тем неповторимость и многообразие сохранило плетение узорных циновки» [9: 11]. Безусловно, словообразовательно-этимологический анализ разных названий циновки и многочисленных наименований растений, используемых при плетении циновки, свидетельствует о лексическом богатстве, своеобразной структуре и словообразовательных возможностях адыгейского и кабардино-черкесского языков, исчерпывающие сведения о которых можно получить при их синхронно-диахронном исследовании.

Примечание:

1. Ланин А.М., Гучев З.Л. Искусство плетения адыгской циновки. Майкоп, 1994. 25 с.
2. Лопатинский Л.Г. Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование // СМОМПК. Вып. XXXI. Отдел. IV. Тифлис, 1902. С. 37-51.
3. Студенецкая Е.Н. Циновки народов Кавказа // Культура и быт адыгов: этнографические исследования. Майкоп, 1978. Вып. 2. С. 118-129.
4. Гучев З.Л. Искусство адыгской циновки. Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1990. 128 с.
5. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2 т. Москва: Наука, 1977. Т. 1 (А-Н). 290 с.; Т. 2 (П-Т). 224 с.
6. Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных слов и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1956. 154 с.
7. Vogt H. Dictionnaire de la langue Oubykh. Universitetsforlaget. 1963. 266 p.

8. Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1980. 402 с.
9. Мальбахов Б.Х. Художественные особенности декоративно-прикладного искусства адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 46 с.

References:

1. Lanin A.M., Guchev Z.L. The art of weaving the Adyghe mat. Maikop, 1994. 25 pp.
2. Lopatinsky L.G. Suffixes of the Russian language. Influence of Caucasian languages on their formation // SMOMPK. Iss. XXXI. Department IV. Tiflis, 1902. P. 37-51.
3. Studenetskaya E.N. Mats of the peoples of the Caucasus // Culture and life of the Circassians: ethnographic research. Maikop, 1978. Iss. 2. P. 118-129.
4. Guchev Z.L. The art of the Adyghe mat. Maikop: Adyghe dep. of Krasnodar Publishing House, 1990. 128 pp.
5. Shagirov A.K. Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages: in 2 volumes. Moscow: Nauka, 1977. Vol. 1 (A-N). 290 pp.; Vol. 2 (II). 224 pp.
6. Rogava G.V. On the question of the structure of nominal words and categories of grammatical classes in Adyghe (Circassian) languages. Tbilisi: Publishing House of the AS of the Georgian SSR, 1956. 154 pp.
7. Vogt H. Dictionnaire de la langue Oubykh. Universitetsforlaget. 1963. 266 pp.
8. Urusov Kh.Sh. Morphemics of Adyghe languages. Nalchik: Elbrus, 1980. 402 pp.
9. Malbakhov B.Kh. Artistic features of the decorative and applied arts of the Circassians. Nalchik: El-Fa, 2001. 46 pp.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 20.09.2021.

The authors declare no conflicts of interests.

The paper was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 20.09.2021.

© А.Н. Абрегов, Р.А.Эльдарава, 2021